

За неделю никто из них так и не закончил упражнение по хождению по воде, хотя все они делали успехи. К середине недели Сакура смогла простоять на мелководе целую минуту, а через два дня то же самое смог сделать и Саске. С Наруто было сложнее, и, судя по тому, что Какаши постоянно твердил, что ему следует использовать меньше чакры, Сакура начала подозревать, что у ее светловолосого товарища по команде гораздо больше сырой силы, чем у нее и Саске.

Судя по тому, как Саске не высмеивал Наруто за то, что тот не может его догнать, Сакура задавалась вопросом, не начал ли Учиха думать примерно так же. Сакура знала, что темноволосый мальчик обладает гораздо большей силой, чем она, но она не так сильно отставала от него, как раньше.

Когда она только поступила в академию, учителя хвалили ее контроль, но при этом осторожно высказывались по поводу очень низкого уровня ее чакры. Конечно, Сакура сразу же постаралась исправить ситуацию, хотя поначалу ее почти идеальный контроль чакры немного пострадал. Она по-прежнему не обладала большой силой, но то, что у нее было сейчас, было не ниже среднего для ее возрастной группы. И контроль был чертовски хорош, особенно когда речь шла о том, чтобы не тратить чакру при выполнении дзюцу.

Откинувшись на спинку стула, Сакура отложила карандаш и вытянула руки над головой. Сегодня утром они с ребятами собрались на тренировочной площадке, но тут появился неизвестный шиноби с сенбоном между зубами и вручил им записку, написанную ужасным почерком учителя, в которой сообщал, что у него, к сожалению, есть другие дела и что у них сегодня выходной.

Обвинив неизвестного шиноби в том, что он самозванец, что переодетый Какаши пытается увильнуть от обучения, и в других не слишком правдоподобных вещах под громкий и раздраженный голос Наруто, они разошлись каждый своей дорогой. Ну, как только неизвестный шиноби закатил глаза и пошел за ними. Сакура отправилась домой, намереваясь продолжить хобби, которое она завела в первый год своей жизни и с тех пор продолжала культивировать.

В нескольких больших ящиках комода, стоявшего рядом с ее кроватью, лежали стопки бумаги, аккуратно перевязанные шелковыми ленточками.

Сакура посмотрела на множество выброшенных бумаг в корзине под столом и потерла занемевшую руку. Последние несколько часов она потратила на перевод стихотворения Роберта Фроста «Ничто золотое не может остаться», и только сейчас у нее получилась версия, сохранившая приятный ритм и смутную меланхолию оригинала.

Не то чтобы ей особенно нравилась старинная английская поэзия, и даже не то чтобы она сама была поэтом. Сакура тосковала по дому. По крайней мере, именно это заставило ее заняться этим хобби. Записывать истории, которые она читала, будучи Гермионой, по крайней мере, те, которые она читала достаточно часто, чтобы почти запомнить их, а позже пытаться (не очень успешно) переписать фильмы, которые она видела и любила, а затем перейти к поэзии, к текстам по магической теории... потому что было что-то совершенно ужасающее в мысли о

том, чтобы забыть все эти вещи, которые она обожала, забыть первую и большую любовь Гермiony и заменить их тем, что она научилась любить, будучи Сакурой.

По крайней мере, так было вначале. Теперь, когда у нее был архив текстов, как переведенных, так и написанных на английском, она сбавила обороты настолько, что это стало скорее хобби, чем личной миссией. В эти дни она не плакала над бумагами, потеряв свой прежний дом.

В дверь постучали, а затем голос матери позвал: «Сакура?».

«Входи», - сказала Сакура, поворачиваясь в кресле и потирая шею. Саюри вошла в комнату, ее одежда была пыльной, а на лбу красовалась матерчатая повязка. Инструменты в ее поясе выглядели так, будто сегодня они хорошо потренировались. «Что ты делаешь дома в такую рань?»

Саюри вытерла руки о маленькое полотенце и улыбнулась. «Я могла бы спросить тебя о том же». Сакура объяснила, и ее мать задумчиво кивнула. «Похоже, у твоего сенсея есть задание», - прокомментировала она, прислонившись к дверному косяку. Сакура пробормотала что-то неопределенное в знак согласия и убрала свои ручки и высококачественные чернила, которые она использовала для окончательной версии стихов.

«Опять пишешь стихи?» У Саюри сложилось впечатление, что Сакура любит писать, и она годами дразнила ее, что станет «ниндзя-автором».

«Только одно стихотворение сегодня. До сих пор не могла довести его до конца». Она протянула законченную работу матери, как обычно, вынужденная подавлять в себе чувство вины за то, что приписывает себе шедевры, созданные не ею. Сакура всегда любила чувство выполненного долга, возникающее от того, что она преуспела в чём-то и получила признание, но никогда - за то, чего она на самом деле не делала. Гриффиндорская справедливость и все такое, подумала она.

Саюри покачала головой и мягко улыбнулась. «Это прекрасно. Я не понимаю, откуда ты берешь свои слова - боги знают, что не от меня и не от твоего отца...» Сакура постаралась сдержать улыбку, чтобы не расплыться в восхищенном тоне матери.

Саюри снова покачала головой и протянула бумагу обратно. «Но ты слишком долго здесь сидишь. У меня обеденный перерыв, так что давай пойдем во двор и перекусим, хорошо?»

Сакура кивнула и вышла вслед за матерью из комнаты во двор, прикрывая глаза от яркого солнечного света. «Как поживают твои товарищи по команде?» Саюри перекинула руку через плечо и большими шагами добралась до пушистой зеленой травы в одном из концов маленького дворика. Сакура плавно опустилась на траву, и Саюри опустилась рядом с ней, одним плавным движением сложив ноги.

«Вечно спорим обо всем».

Саюри повернула лицо к солнцу, но Сакура уловила, как слегка дернулся уголок ее рта. «Когда ты не пытаешься держать их в узде?» Вопрос был сформулирован как вопрос, но прозвучал как утверждение. Сакура фыркнула.

«Иногда они слушаются. Удивительно». Обычно, когда у них складывается впечатление, что другой мальчик уже послушался и подчинился.

«Саюри открыла зубами бутерброд в пластиковой упаковке и каким-то образом умудрилась придать комментарий наводящий на размышления характер. Сакура покраснела и выхватила сэндвич из рук матери. Саюри подмигнула ей, а затем придала своему широкому лицу невинное выражение. «Я просто имела в виду, что они скоро вырастут».

Сакура кивнула. Она не ждала и не хотела, чтобы мальчики были послушными, потому что прекрасно знала о своей склонности командовать людьми, когда эта черта характера проявлялась слишком сильно, но ей хотелось, чтобы они хотя бы немного быстрее повзрослели. Сейчас им было так... так много двенадцати. А ей - нет.

«Сакура, ты так быстро повзрослела после смерти отца, - сказала Саюри с задумчивой ноткой в голосе. «Как будто ты была моей маленькой девочкой в один день и миниатюрной взрослой в другой». Конечно, мать не имела в виду ничего подобного, но каждый раз, когда Саюри говорила что-то подобное, сердце Сакуры учащенно билось.

Она откинула прядь волос за ухо и уставилась на свои колени. Что-то внутри нее говорило: «Если она увидит твое выражение лица, то поймет всю правду», и Сакура опустила взгляд. Если бы только Саюри знала, как близка она была к правде, которую Сакура скрывала столько лет.

«Ну, я думаю, смерть в семье делает детей старше». Саюри вздохнула и потерла шею.

«Или просто холоднее», - тихо сказала Сакура, вспоминая своего темноволосого товарища по команде, его тонкую ухмылку и (постепенно оттаивающий) холодный взгляд. Она не была уверена, что потеря семьи состарила Саске, но что-то в нем точно заморозила.

Сакура почувствовала, как мать повернула голову, как Саюри посмотрела на нее. «И это тоже».

После этого они долго не разговаривали.

<http://tl.rulate.ru/book/121494/5078441>